

parameters of the pedagogical nature of the inclusive education of preschool children are outlined. The main differences of inclusive education from an integrated education are defined.

The difference in the approaches is in the recognition of the need to change society to reflect and accommodate individual needs of children with mental and physical disabilities, and not their adaptation to its requirements. In author's view, it will allow to evaluate and to comment on those issues in general, and to outline the prospects for further development of inclusive education in pre-school education in particular.

It is stressed that methodological bases of inclusive education at preschool age are based on a multidisciplinary (medico-pedagogical and socio-psychological) approach in the organization of life of children. The trend in the convergence of pedagogical and medical assistance is in the strengthening of diagnostic activity of the teacher, realizing him/herself an assistant and advisor of the child.

The author concludes that the methodology of inclusive education should be aimed at the transfer of theories, rules of education of persons with psychophysical disabilities concerning their healthy peers. Changes here occur at the level of attitudes, strategies of educational policy and cooperation in the team.

Further consideration of approaches as methodological basis of our research will be aimed at analyzing the aspects that draw attention to the fact that as a result of timely correction and educational work children with different mental and physical disabilities are able to perceive and understand the world in which they live, however, requires the creation of appropriate correctional and developmental environment. In addition, the implementation of inclusive education will allow solving a number of problems of moral and ethical character, thereby contributing to the humanization of social relations.

Key words: *methodology, inclusion, inclusive education, integration, integrated education.*

УДК 371:37.03+37.035+37.034

Меттини Эмилиано

РНИМУ им. «Н. И. Пирогова»
Москва (Российская Федерация)

КОРРЕКЦИЯ И РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЕТЕЙ С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВОПРОС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

У статті розкривається питання корекції та реабілітації дитини як соціально й політична проблема 21-го століття, як Європи, так і інших розвинених країн та країн, що розвиваються. Автор думає та доводить необхідність використання наукового міжпредметного підходу до цього питання з тим, щоб було можливо організувати плідну співпрацю різних відомств з метою координації зусиль, спрямованих на вирішення питань, пов'язаних «із темами цієї статті, мають особливе значення для профільних науковців. Крім того, ці теми привертають увагу міжнародної спільноти, оскільки вони долають національні кордони і культурні особливості, викликаючи особливе занепокоєння.

Ключові слова: *ювенільна юстиція, економіка, законодавство, дитина, Хартія фундаментальних прав ЄС, Російська Федерація, винуватий, не винуватий.*

Постановка проблеми. *Вопрос реабилитации и коррекции детей с особыми потребностями является широкомасштабной проблемой, касающейся не столько детей, которые переживают трудную жизненную ситуацию в связи с особенностями их развития, или социальным*

поведением, сколько ответственных ведомств, занимающихся вопросами коррекции и реабилитации представителей подрастающего поколения. Особенно необходимо понимать, **что** под данными понятиями подразумевается в современных психологических, социологических и педагогических теориях, а также в действующем законодательстве ряда стран с тем, чтобы определить рамки возможных дальнейших исследований по данной теме. Такие исследования обязательно должны иметь целью развернутый и глубокий анализ таких понятий, как коррекция и реабилитация, потому, что они – одна из главных проблем 21-го века, поскольку они затрагивают, как и психолого-педагогические, так и биоэтические вопросы, занимающие столь важное место в размышлениях о человеке как социальном акторе и личности. Именно взаимосвязь и многоуровневый подход к коррекции и реабилитации как социально значимым явлениям может дать современное научное представление о том, как грамотно и правильно относиться к данному вопросу.

Анализ актуальных исследований. Анализ современных материалов по вопросам коррекции и реабилитации детей представляет собой особенное поле исследований, где, по крайней мере, можно выделять несколько течений и направлений, начиная с вопроса воспитания культуры общения у детей дошкольного возраста, и заканчивая статьями и исследованиями о коррекции агрессивного поведения детей. Что касается реабилитации, преимущественно, речь идет о детях-инвалидах, которые должны пройти определенный, и часто очень сложный путь с тем, чтобы уменьшать свое отставание от детей без ограниченных возможностей. Таким образом, мы можем себе представить, как работы над этим вопросом не находятся на поверхности, а идут вширь и вглубь, не пропуская ни одного важного момента или аспекта, касающегося тем коррекции или реабилитации. Важно подчеркнуть, что авторы данных материалов понимают коррекцию не как пересекающую меру, а как процесс исправления (коррекция происходит от латинского глагола *corrigerere* – исправлять, поправить, отравлять в правильное русло), которые могут и, соответственно, должны успешно иметь место, поскольку вопрос психологической и педагогической девиантности набирает все большие обороты. Кроме того, мы считаем, что не принимаются должные контрмеры с тем, чтобы приостановить данное социальное явление.

Цель статьи: понимать коррекцию и реабилитацию в более широком формате, с тем, чтобы определить их в качестве главного решения к вопросу социальных и межличностных конфликтов и в целях решения биоэтических проблем современного общества.

Изложение основного материала. Первый шаг, который мы должны сделать с тем, чтобы понимать амплитуду вопроса коррекции и реабилитации, это объяснить, какие представления имеются о ребенке и о

его статусе сегодня в мире. Интересно посмотреть на этимологию слова «ребенок» в индоевропейских и в славянских языках. Например, слово «ребенок» на итальянском, английском, исландском и немецком языках (*bambino, baby, babe, bube*), указывает на человека, не умеющего говорить складно (ср. греческий глагол *bambalizo* и *bambaleo* – заикаться) или не умеющего думать, как следует (ср. итальянское слово – *babbeo* – балбес). В русском и славянских языках мы можем видеть, что у слова «ребенок» следующая этимология: ребенок род. п. -нка, мн. ребята, диал. робёнок, робя́та, др.-русск. робя, мн. робята, робъ «раб», ст.-слав. рабъ доѹлоꙋ, робъ – то же рѡб, род. п. рѡба, словен. rŏb, род. п. rŏba, чеш. rob «раб». Очевидно, что этот небольшой языковой экскурс доказывает, что данное слово «ребенок» имеет своим «объектом» кого-то, не способного на самостоятельную жизнь и мышление, и, соответственно, которому нужна помощь взрослых под видом воспитания и образования (мы здесь воспринимаем эти слова в их первоначальном, этимологическом варианте). Путь признания ребенка, человеческого «детёныша» личностью, а не только индивидуумом, т.е. мыслящим, живущим организмом, был весьма длинным и сложным, и прекрасно мы можем это понимать, если бегло смотрим на научную историческую и психологическую литературу. В этом контексте целесообразно напомнить интересную книгу «Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке» французского историка Ф. Арьеса [1]. Эта работа Филиппа Арьеса дает нам правильное представление о положении ребенка и является одной из более важных и значимых работ по истории детства, потому что впервые научное произведение было посвящено этому вопросу. В своей работе Арьес выдвигает и защищает тезис о том, что в средневековом обществе идеи детства как таковой не существовало. Отношение к детям развивалось с течением времени по мере изменения экономической и социальной ситуации. Детство как понятие и как специфическая роль в семье возникает всего лишь в 17-ом веке. Вклад французского историка весьма значим. Если взять на вооружение тезисы Ф. Арьеса и посмотреть на историю 18-го, 19-го и 20-го вв. через призму изменений, происходивших в обществе, особенно в экономической сфере, мы можем понимать, каким долгим был процесс перехода ребенка от состояния «маленького раба», которому поручены тяжелые работы, к статусу полноценного члена и актора общества. Примером ко всему этому может служить Англия первого промышленного переворота, где образовалась современная индустрия и впервые появился пролетариат. Интересно заметить, что слова «пролетариат» и «пролетарий» имели первоначальное значение «производящий потомство» (от лат. «*proles*» – «*pro + alo*» – «для + выращивать, воспитывать»), которое идет параллельно и переплетается с понятием социального класса, богатого только своими детьми, вынужденными работать для того, чтобы помочь своим родителям получить

какой-то дополнительный доход, хоть маленький. Состояние детства не спасли даже Акт об элементарном образовании (1870 г.) и Закон о фабриках (1874 г.), частично ограничивающие использование детского труда, хотя не очень результативно. Поэтому мы можем считать, что решающим шагом, поставившим точку в детской эксплуатации, и признающим ребенка личностью на мировом уровне, было принятие Главной Ассамблеей ООН Декларации прав ребенка (20 ноября 1959), которая обращает на себя наше пристальное внимание.

На наш взгляд, с тем, чтобы наши читатели лучше понимали тему нашей статьи, нам кажется целесообразным извлечь несколько предложений из текста декларации в целях их изучения. Нас особенно интересуют принципы № 2, № 4 и № 5 вышеупомянутой декларации. В принципе № 2 говорится об обеспечении специальной защиты, предоставления возможностей и благоприятных условий для физического, умственного и духовного развития ребенка; в принципе № 4 речь идет о том, что ребенок должен пользоваться благами социального обеспечения, а в принципе № 5 подчеркивается, что ребенку, который является неполноценным в физическом, психическом или социальном отношении, должны обеспечиваться специальные режим, образование и заботы, необходимые ввиду его особого состояния. С одной стороны, этот экскурс дает нам возможность понимать, как кардинально изменилось состояние ребенка и детства в обществе, а с другой стороны, мы понимаем, как далеки мы от выполнения и осуществления таких принципов.

В некоторых случаях мы смеем сказать, что находимся недалеко от того понимания ребенка, о котором речь шла выше, особенно, когда уделяем внимание детям с особенностями или с отставанием в развитии. На самом деле, не очень просто представлять себе процесс коррекции и реабилитации, который способен по-настоящему заняться настоящим «восстановлением прав» ребенка в полном объеме, поскольку мы считаем, что очень часто, но не исключительно, коррекция и реабилитация носят репрессивный и ограничивающий характер, с одной стороны, а с другой – весьма противоречивый. Если внимательно изучать законодательство РФ и Европейского Союза, мы можем заметить, что как в Евросоюзе, так и в других странах стоит вопрос реальной коррекции и реабилитации. Нам кажется интересным этот текст, носящий весьма важное название: «права детей и подростков – нарушителей закона». Такой итоговой документ, принятый Генеральной Ассамблеей Европейской Организации уполномоченных по правам детей (16-е заседание от 12 октября 2012, Никосия – Кипр) [3], гласит, что нельзя рассматривать детей как криминальные личности. Здесь речь идет о том, что предохранительные меры через воспитание, социальную защиту, органы здравоохранения и дружелюбное к ребенку правосудие являются

главными факторами в предотвращении поведения, вызывающего конфликтные ситуации между ребенком и законом и проводящего его к новым нарушениям закона. Само собой разумеется, что данный документ составлен исходя из понятия «ювенальная юстиция», и нам не совсем понятно, что значит «дружелюбное к ребенку правосудие». Мы могли бы лучше представить себе эту ситуацию, если там было бы использовано словосочетание «справедливое к ребенку правосудие». Такое обстоятельство уже дает определенное представление о том, как совершается определенный мысленный и социальный сдвиг в сторону защиты ребенка, но, не понимая, что такого рода меры, как раз, могут вызывать рецидивное криминальное поведение. Кроме того, в документе есть такая фраза, что «школе надлежит иметь точную стратегию и системы, которые ориентированные на ребенка, с целью контроля его поведения». Кроме того, в тексте утверждается, что необходимо, чтобы школы налаживали благоприятные отношения с родителями, местными социальными службами и органами опеки, уделяя внимание изменениям в характере и поведении студента, не препятствуя в развитии его интересов и талантов. Нам кажется, что здесь скрываются два противоречия. Первое состоит в том, что большинство обязанностей, касающихся коррекции и реабилитации, положены на школу, которая должна, совместно с другими ведомствами, но фактически одна, организовывать целый комплекс мер и мероприятий во избежание конфликтных ситуаций, за которыми должно идти уже вовлечение ребенка в процесс решения конфликтных ситуаций, без всякого конкретного предписания. Второе противоречие выражается в том, что, на наш взгляд, невозможно устроить нормальный диалог с семьями трудных детей, если само семейство трудное. Данный переворот оси ответственности с семьи на школу является показателем того, что без серьезной государственной поддержки в развитии эффективных программ коррекции и реабилитации на социальном и семейном уровнях невозможно получить какой-либо положительный результат в решении такого сложного вопроса, который сегодня воспринимается очень серьезно, по крайней мере. Что касается остального документа, о котором шла речь, мы можем согласиться с тем, что может существовать восстановительное правосудие, и, наверняка, что необходимо повышать возраст привлечения к уголовной и гражданской ответственности, но это всего лишь паллиативное лекарство. Утопично стараться укоренить детскую и подростковую преступность при помощи повышения возраста привлечения. Например, в Италии, процент детей мигрантов, так называемых мигрантов второго поколения, часто не заканчивают школу из-за неуспеваемости, что может создать потенциально криминогенные ситуации (без квалификации трудно найти достойную работу), которые

могут привести к их привлечению к ответственности. Необходимо изменить законодательство в сторону более справедливого отношения к данным явлениям, не отдаваясь гуманитарным соображениям.

С этой точки зрения интересными являются статьи хартии по правам человека Евросоюза, и в частности 20, 21, 24, где напрямую речь идет о равенстве всех перед законом, о критериях не дискриминации и о правах детей. Особенно интересной в контексте нашего выступления есть последняя статья. На самом деле там, с одной стороны, подчеркивается тот факт, что дети имеют право свободно выразить свою точку зрения, которую необходимо учитывать во время решения вопросов, их касающихся, в зависимости от возраста и уровня зрелости. С другой стороны, наоборот, акцент делается на то, что во всех делах, которые касаются детей, не важно, являются ли инициаторами их государственные органы, или частные организации, на первом месте обязательно должны стоять «наилучшие интересы ребенка» [2]. На наш взгляд, тут есть определенное противоречие, служащее камнем преткновения. Если мы считаем, что ребенок – полноправный и полноценный член общества, как можно законодательным путем определить зрелость на основании возраста? Или, что значит, что на первом месте всегда должны стоять «наилучшие интересы ребенка»? Мы предполагаем и соглашаемся с тем, что необходимо защищать и хранить психику ребенка во время такого травматического события, как уход из родительского дома из-за лишения этих последних своих прав, или получения срока, даже условного. Но это не все, поскольку, по крайней мере, законодательство должно защитить, а не дать предпочтение неким категориям граждан, потому, что это может образовать некий пласт, где объективность закона уже подвергается влиянию чьих-то интересов, без всякого интереса к ребенку. Или, с другой стороны, на суд может влиять давление общественных организаций тогда, когда вопрос соблюдения социального порядка и наказания несоциального поведения коснется детей. В этом контексте достаточно просто понимать, как дети могут быть манипулированы, и как путем психологических и психиатрических экспертиз каждое заинтересованное лицо может постараться «представить» наилучшие права ребенка. Это влечет за собой один важный момент, о котором мы будем говорить позже.

Если уделять внимание сформулированному выше возникает один вопрос очень тонкий, достойный самой сложной иезуитской казуистики. В настоящий момент очень часто как в Европе, так и в США и России поднимается тема ювенальной юстиции, которая занимает довольно важное место в рамках социальных и правовых дискуссий о детях как субъектах права. Что касается Европы, ситуация достаточно ясна, но посмотрим, как обстоят дела за океаном и в России. В США, например, «ювенальными» называются все лица от семи до семнадцати лет, и, соответственно, не

привлекаются к ответственности лица, находящиеся, так сказать, в этой возрастной вилке. На английском языке, это называется *defense of infancy* (защита детства) [5]. Также интересно отметить, как в Штате Массачусетс при вынесении приговора детским правонарушителям, используется слово «правонарушитель» или «не правонарушитель» нежели «виновен» или «не виновен». Эта языковая норма принята с тем, чтобы отличать их от обычных, предполагаемых взрослых, преступников, и это хорошо, с одной стороны. Но есть и свои недостатки в этой системе. Например, при возрастании количества убийств, возрастные рамки, о которых мы говорили, могут быть расширены, и уже начинает исчезать понятие «ювенальной» юстиции. Еще про Массачусетс мы можем сказать, что любое лицо, достигшее четырнадцати или семнадцати лет может быть обвинено в убийстве со смягчающими вину обстоятельствами, или в убийстве первой степени, в насилии с применением огнестрельного оружия, или в любом преступлении, касающемся гангерского насилия. Что касается России, мы можем заметить, что в этой стране речь идет о ювенальной юстиции по скандинавскому примеру, т.е. по схеме, где принимаются меры с целью защищать детей, с одной стороны, и предупредить распад семей, в которых не наладятся отношения между супругами с другой, как можно легко представить себе после обзора Российских законодательных актов по этому вопросу: Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина № 942 от 14.09.1995, утвердившего «Национальный план действий в интересах детей», Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г., Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части ограничения распространения информации о несовершеннолетних, пострадавших в результате противоправных действий (бездействия)» ФЗ № 109392-6, Областной закон Ростовской области от 26 декабря 2005 г. № 425-ЗС «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ростовской области». Кроме того, заслуживает внимание то, как закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» в своей последней редакции от 13.07.2015 г. [4], гласит о том, как регулировать коррекцию и перевоспитание, но не указаны конкретные приемы в этом направлении. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что Российская система комиссий по делам несовершеннолетних несколько отличается от западной, где в ряде стран (Германия, США, Бельгия, ЮАР, Индия и др.) созданы отдельные судебные органы по делам несовершеннолетних, поскольку считается, что комиссии по делам несовершеннолетних являются ключевым звеном ювенальной юстиции. Эти комиссии называли «локомотивом» ювенальных технологий, под которыми подразумевается комплекс мер, нацеленных на реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом, и содействующих раскрытию их

індивідуального потенціала для вільного розвитку в суспільстві і самостійного відмови від асоціального поведіння. Інтересно зауважити, що комітет ООН по правам дитини закликає ряд країн, в т.ч. Росію, к застосуванню Акта об ювенальній юстиції з тим, щоб організувати відповідну систему правосуддя, і, одночасно, не обмежити права батьків в сім'ї. Тому можна вважати, що Російська система знаходиться на стадії допрацювання цих заходів по справі ювенальній юстиції, яка має своїх героїв і своїх ворогів, як можна розуміти, якщо перевіряти онлайн-ресурси по цій проблемі.

Висновки. В висновок викладеного вище зауважити, що корекція і реабілітація знаходяться не в дуже задовільному стані. Якщо уважно подивитися на обставини, що визначають прийняття деяких законів або нормативних актів, ми можемо стверджувати, що корекції і реабілітації не приділяється уваги, незважаючи на те, що кожна країна готова допомагати і підтримувати всіх своїх громадян. Питання правової захисту дітей з особливими потребами все ще відкрито незважаючи на той факт, що процес соціальної інтеграції, можемо його так назвати, передбачено, наприклад статтею 26 угоди по правах людини ЄС. Наш матеріал вказує на те, що, з однієї сторони, знаходимо гіпертрофічне ставлення до дитини, як громадянина, а, з іншої, – недостатньо розвинутої або суперечливої є система правосуддя і соціальних служб по відношенню до дітей взагалі, і «особливими» в частині. Можливо передбачити, що така тенденція буде ще зберігатися, якщо врахувати, що як на макроекономічному, так і на мікроекономічному рівнях приймаються заходи, які скорочують витрати в соціальній сфері, і, відповідно, уповільнюють регулювання питання загальноприйнятої системи юстиції і юриспруденції незалежно від політичної і економічної географії.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арьес Ф. Ребенок и семья при старом порядке / Филипп Арьес. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – 416 с.
2. Европейская Конвенция о правах человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
http://www.echr.coe.int/Documents/convention_ENg.pdf.
3. Союз по правам ребенка: Гид к правам ребенка по Евросоюзу в Ирландии [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
http://www.childrensrights.ie/sites/default/files/submissions_reports/files/GuideChildrenEURightsIreland1213.pdf.
4. Федеральный Закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/.
5. Ювенильная юстиция [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
<http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/2171357>.

РЕЗЮМЕ

Меттини Э. Коррекция и реабилитация детей с особыми потребностями: социально-политический вопрос нашего времени.

В статье раскрывается вопрос о коррекции и реабилитации детей как социальная и политическая проблема 21-го века, касающаяся как Европы, так и других развитых и развивающихся стран. Автор предполагает и доказывает необходимость использования научного межпредметного подхода к данному вопросу с тем, чтобы было возможно организовывать плодотворное сотрудничество разных ведомств в целях координации усилий, направленных на решение вопросов, связанных с темами настоящей статьи, имеющими особенное значение для профильных ученых. Кроме того, данные темы привлекают внимание международной общественности, поскольку они преодолевают национальные границы и культурные особенности, вызывая особенную тревогу.

Ключевые слова: ювенильная юстиция, экономика, законодательство, ребенок, Хартия фундаментальных прав ЕС, Российская Федерация, виновен, не виновен.

SUMMARY

Mettini E. Correction and rehabilitation of children with special needs: social and political question of nowadays.

In the paper the problem of correction and rehabilitation of children as a social and political question of the 21st century, concerning either Europe or other developed and developing nations, is discussed. The Author suggests and proves that it is necessary to use an intersubject scientific approach to this question, as far as we have to analyze this topic either from the point of view of social safety net, of pedagogical, psychological sciences and jurisprudence.

The aim of the article is to provide an overview of international norms and laws regulating this matter and, on turn, show how all these factors are tightly linked with each other. Moreover, such topics draw international community's attention to national and cultural characteristics, causing a particular concern. In the paper, the Author led a comparative analyze of history of childhood like a passage of a stage of non-recognition of children as social agents as such to their legal equality, whose top was the Declaration of the Rights of the Child, issued in 1959. In spite of it, the Author alters that the way to come to a complete recognition of children is quite long already, because of the fact that we do not have a complete agreement neither in International right nor in national laws relations between law enforcement community, social services, children and their families.

On that premises, Author of the present paper analyzed European, American and Russian system of juvenile justice, and it has been found that there are sharp differences in these systems, because if, on one hand, in Europe, children are given more rights than in America, where the concept "juvenile age" can change according to crime rate in the States. In Russia, situation is more difficult, because there is no developed system of juvenile justice and children are treated like adults, during trials, for example.

After his comparative study, the Author could arrive at the conclusion that the state of affairs concerning children with special needs is not fully protected by law. If we take into account the dynamics of macro- and microeconomics, it is clear that go on cost cutbacks in social sphere retarding the regulation of such question as an international generally accepted system concerning the defense of rights of children's special categories.

Key words: juvenile justice, economy, legislation, child, Chart of fundamental Rights of EU, Russian Federation, guilty, no guilty.